

Антон Петров

г. Санкт-Петербург

Исповедь сына века

Эх, девчонка с прядями рыжими,
В поволоке слезы-сапфиры;
Вся душа обросла грыжами
От любви неподъёмной гири.

Мы с тобою, увы, не атлеты.
Ты слаба, я – того хуже.
Помнишь ли, как в конце лета
Мы надеялись, глупые, сдюжить?

Самым страшным грехом – гордыней –
Мы себе поломали судьбы.
Лишь одно в голове ныне:
Одному, без тебя, уснуть бы.

Мы научимся жить без Нас, ведь
И без почки живут люди.
Мы их хуже с тобой разве?
Мы без Нас ещё счастливы будем!

Я прощаюсь с тобой, Солнце,
Это «Исповедь сына века».
Я люблю тебя, вот нонсенс!
И, увы, я люблю навеки.

Ты не любишь стихи, ну что же?
Ты меня не любила тоже;
Я казался тебе мерзавцем –
Но теперь эти мысли в прошлом.

Ты не любишь стихи? Да бог с ним!
Не любила шесть лет? Хоть восемь!

Не начнёшь ведь взаправду драться,
Чтоб стихи я писать забросил?

Ты не любишь стихи? Ты врешь мне!
Не любить стихи невозможно.
А теперь излагаю вкратце:
Ни тебя, ни стихи не брошу.

Я не верю глазам, сколько зим!
Ты какими судьбами здесь-то?
Кстати, знаешь, я всё простил.
Даже ножик, вспоровший сердце.

Тот порез я давно прижег,
Больше года не кровоточит.
Ударение не то? Да и я не тот –
Я во многом теперь неточен.

Вот недавно попал в конфуз –
Твоим именем кликнул Зою.
Вспомнил тебя и как засмеюсь!
Я-то думал, уже не вспомню...

А на Зою нашла гроза –
Третьи сутки тихонько плачет.
Умоляет «люблю» сказать,
А я врать разучился напрочь.

Как ты думаешь, подскажи,
Без меня Зое будет лучше?
Я не ласков и не пушист,
И люблю не её до кучи.

Ты считаешь священным брак?
Это просто обмен колечек!
А, ты тоже теперь... Вот как...
Извини. Мне пора. До встречи.

Сидя на крыше

Я сажу на крыше
В центре Петербурга,
Я гораздо выше
Местных полудурков.

Толпы топчут Питер –
Мой приемный город.
Хоть в труху стопчите –
Я ему не дорог.

В пыльной грязи улиц
Пузыри из мыла.
Я сижу, сутулясь,
Злой на профнастиле.

Что мне эти, снизу?
Я над ними сверху.
Для меня их лица –
Прах. Пылинки. Перхоть.

Гаснет луч в закате,
Мне пора спускаться.
Эта крыша за день
Сделала мерзавца.

Стану жить в землянке,
И за целый год
С крыши вниз не гляну...
Ну... Ещё разок!

Стихи не пишутся – их пишут

Когда лучи в закате тонут,
И никого в округе нет,
Я открываю ветхий томик,
В котором жив один поэт.

Стихи не пишутся – их пишут,
И в каждой строчке на листе
Сквозь сто веков не станет тише
Поэта голос шелестеть.

Я чётко слышу в каждой букве
Истошный крик, поэта боль.
А в запятой такие муки,
Что и не снились нам с тобой.

Когда лучи в закате тонут,
И никого в округе нет,
Я открываю ветхий томик,
В котором жив один поэт.

В этом месте мне не место,
Я заблудшая душа.
Я – на теле будды крестик,
На предплечье след ножа.

Я стремглав бегу отсюда
По дорожке беговой.
Я гляжу в глаза не людям –
Я скандалю сам с собой.

Стены комнаты – мой карцер,
Ты – на башне вертухай.
Я – шестой, ненужный палец,
Строки этого стиха.

Письмо

Не читай этих строк. Я писал их в бреду.
В этих строках полправды найдётся
едва ль.

Я иначе не мог. Я теперь не могу.
От ненужности слов меня тянет блевать.

Не читай этих строк. Я молю, не читай.
Написал их не я. Не тебе. Их тут нет.
Я жесток. Извини. Это всё невзначай.
В голове кутерьма. Ей твой образ воспет.

В тёмном небе все звёзды теснятся
к ковшу.

Не читай этих строк. Я ещё напишу.

